

Максим Эрштейн

АННА ДИВАНОВА

Максим Эрштейн Анна Диванова

<https://litres.ru/74598418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая и вторая части романа в стихах, написанного Онегинской строфой. История взросления и становления девушки из маленького провинциального городка. Роман выполнен как обращение к А.С. Пушкину, предпринята попытка рассказать великому поэту о нашем времени.

Содержание

Роман в стихах. А.С. Пушкину	4
Вступление	5
Часть первая. Межинск	8
Глава первая. Семья Дивановых	8
Глава вторая. Родители и дети	13
Глава третья. История болезни	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Максим Эрштейн
Анна Диванова

Роман в стихах. А.С. Пушкину

Вступление

Не мысля разный свет забавить,
Который уж теперь не горд,
Намеревался я составить
Рассказ, собой умен и тверд,

Чтобы истории движенье
Он для тебя нарисовал,
Поэт, чьей лиры вдохновеньем
Язык славян искусством стал.

Мы – должники твои; когда-то
Ты станцевал нам русский дух.
Теперь, в две тысячи двадцатом,
Все тот же ль он, или затух

После ужасных потрясений –
Репрессий, массовых смертей,
Кровавых войн, нравосмещений,
Прихода западных затей,

Искоренения сословий,
Исчезновения дворян,

Химеры равенства условий
В стране рабочих и крестьян,

В нем тот полет мечты бесцельной,
Тот ясный и безвольный взгляд,
Что на равнине беспредельной
Возник в нем сотни лет назад?

Жива ль в нем та босая нега,
Та глухоманья благодать,
Та соль земли, что твой Онегин
Сумел в Татьяне угадать?

Итак, чтоб прошлых два столетья
Российской жизни описать,
Примерный план в уме наметив,
Уж стал бумагу я марать,

Но понял вдруг – в чужие сани
Похоже, резво я сажусь,
Нет, в историческом романе
Я, друг, тебе не пригожусь.

Ведь если жив твой дух, найдет он
Историков – не мне чета,
Все разузнает, все прочтет он,

Я – лишь последняя верста.

Нет, чтоб слугой тебе быть верным,

(А я служить тебе спешу) –

О жизни в веке двадцать первом

Я сочиненье напишу.

Часть первая. Межинск

Глава первая. Семья Дивановых

На твердой сфере небосвода,
Что держит космоса моря,
Блестят жемчужин хороводы,
Скользят, дорожки проторя,
Луна и прочие светила –
Так книжка древняя учила.
Поверь, мой друг, что и сейчас
Такие книжки есть у нас.
И, может быть, как раз такую,
Пока метель в окошко бьёт,
Больная Анна сутки влёт
Читает книжечку чудную,
Вся в одеялах угнездясь,
И теплым чаем зарядясь.

Над всей Россией выюга свищет.
Уж близок март, но до поры
Тропы прохожий не отыщет,
Не выйдет мышка из норы.

Полярным холодом налита,
Колючим снегом боевита,
Загнав всю тварь в свои дома,
Лютует поздняя зима.
И склоны среднего Урала,
Где дремлет Межинск-городок,
Она, сколь видно на восток,
В сугробах пышно закопала.
Но дом, где Анна мирно спит,
Блестя во льду, тепло хранит.

И, невзирая на ненастье,
И младшей дочери бронхит,
Уже неделю шумным счастьем
В семье у Анны жизнь кипит.
И праздник всё не прекратился:
К ним из Москвы сын возвратился.
Три года он учился там,
Как многим грезится парням,
И денег перевел немало,
А если правду говорить –
Сумел он тысяч сто убить,
Ну что ж, семья его снабжала,
Перемежая ох на ах:
Ведь сумма эта – не в рублях.

Итак, теперь с семьёю Анны
Нам познакомиться пора:
Брат старший – Дмитрий, долгожданный;
Светлана – средняя сестра;
И Анна – ей всего семнадцать,
И ей пора определяться,
Куда уехать в институт –
Не оставаться ж, право, тут.
Их мать, Наталья – дама с перцем,
Собой вполне еще стройна;
Когда-то страх была она
Бойка выкидывать коленца,
Но вот в последние лет пять
Уж стала сильно уставать.

Олег Иванович Диванов,
Промышленник, отец и муж –
Из ряда тех людей-титанов,
Каких рождает наша глушь.
В своих краях они крепчают,
И шум столиц им не мешает,
И незаметно, вот-те раз –
Взойдет из зернышка алмаз.
Он инженер, изобретатель,
Поэт, философ, еретик,
При том весьма земной мужик,

Рыбалки страстный обожатель,
Всего Набокова прочел,
А летом он разводит пчел.

Да, друг мой, времена промчались
От ваших сумрачных годин,
Где мужиками назывались
Крестьянин и простолюдин.
Господ уж нет в державе русской,
И как в республике французской,
У нас теперь простой язык –
Коли мужчина – так «мужик».
И в обращении почтенье
У нас лишь старикам дают,
Челом ни перед кем не бьют,
Сколь не питали б уваженья.
Ученый муж иль ломовик –
Теперь всяк равен, всяк мужик.

Я знал Дивановых; когда-то
С Олегом крепко я дружил;
Он вел дневник замысловатый,
Где все события изложил,
Их объяснения и трактовки –
Так, лишь для слога тренировки.
Но говорил он мне не раз,

Что если б вольный пересказ
Его записок я в романе,
Сменив фамилию, изложил,
Ему б я страшно удружил,
Дневник бы не истлел в чулане,
«Ведь есть же много там чему
Учиться сердцу и уму».

Вот лошадь для моей подковы!
Нет, мне не уронить лица,
Коли возьму я за основу
Дневник Диванова-отца.
И чтоб тебе, поэт мой ясный,
Нарисовать наш век прекрасный,
Этот дневник на вольный лад
Пересказать я очень рад.
Не все, что в мой роман попало,
Я из записок почерпнул:
О чем-то ветер мне надул,
Другое дочь мне рассказала –
Дружила с Анною она.
Земля же слухами полна.

Глава вторая. Родители и дети

Когда, в начале девяностых,
Страна не собрала костей,
И пульс сберечь было не просто,
Не то что заводить детей.
И у Дивановых в кармане,
Словно в разломанном диване,
Чернела дырка-пустота;
К ним подступала нищета.
Они ж ничуть не унывали —
Халтура здесь, шабашка там;
С умом и горем пополам
Дела и фирмы открывали;
Хлестали силы через край,
Хоть впрок их в погреб запирай.

Их первенец уж на подходе;
Все не беда, покуда есть
Крупа в прабабкином комоде,
Картошка, да благая весть.
В очередях к молочной кухне
Олег с утра торчит, пожухлый,
Часов пять-шесть там отстоит,

И с молоком домой бежит.
Но вдруг заводик оборонный
Восстановился из руин,
И сразу же, в момент один,
Олег там – инженер законный.
Зарплата ровно потекла,
Жизнь основательней пошла.

Идей – толпа, задумок – масса,
Энергия кипит рекой,
И вот Олег с Натальей в кассу –
Владельцы частной мастерской.
Просчеты фирму донимают,
Супруги ж все на ус мотают;
Исправили ошибок ряд,
И вроде, накрепко стоят.
У них – эффектные находки,
Народ работать к ним течет,
Наталия ведет учет,
Олег – начальник разработки.
И государственный завод
Уж к ним заказы прочно шлет.

А то, что дальше с фирмой было –
Традиционный наш содом:
В России – под кнутом и шилом

Те, кто живет своим умом.
Припомнишь ли, поэт великий
В твои года служилых крики:
«Чуть ты надуешься – проткнут,
Чуть разжиреешь – так сожрут».
Олегов бизнес враз отжали
Те, кто вершит царев закон.
Ох, мало изменился он,
Хоть сотни лет уж пробежали.
И хоть давно уж нет царя,
Его опричники царят.

Супруги хорошо дружили,
Сносили беды, не бранясь.
И все размолвки выносили
Так, лишь играючи сердясь.
Наталья иногда чудила,
Домой под полночь приходила,
Олег же так ее любил,
Что коль что было – так простил.
В делах же стали осторожней,
Открыли фирму поскромней,
И средства, чтоб растить детей,
Уж добывали бестревожно.
Олег, к тому ж, имел патент –
С него им капал дивиденд.

«Где есть любовь – там все срастется,
А ум с терпением все возьмут,
Непросто счастье куется,
Но ясно вижу его тут».

Так думал я во время оно,
Когда по-свойски, без поклона,
К супругам в гости заходил,
Прекрасно время проводил.
Но что поделать, мой читатель –
Во всем удачу приручить,
И даже ног не промочить
Способен только лишь мечтатель.
А в жизни – змеем из пруда
К нам в дом тайком ползет беда.

Беда слегка обрисовалась,
Чуть дети стали подрастать,
А позже шансов не осталось
Уж толком что-то поменять.
Сын Дима, к общему удушью,
Рос эгоистом равнодушным,
Ни в чем загадок не искал,
Друзей к душе не подпускал.
Хоть, как отец, умом могучим
Он был природой наделен,

Ничем не увлекался он,
Все находил пустым и скучным.
Давалось все легко ему,
Он не давался ничему.

Пятерки в школе без усилий,
Холодный ум, бесстрастный взгляд,
Учителя его ценили,
Любили же других ребят.
Он вырос праздным и циничным,
Манипулятором отличным,
И в старших классах штормовых
Он гнил в приставках игровых.
Печаль иная – дочь Светлана,
Хоть и ничуть не холодна,
И шармом не обделена,
Но страсть ленива и жеманна.
Увы, учебные дела
Она осилить не могла.

Из школы тройки приносила,
И книжек в руки не брала,
Ни в институт не поступила,
Ни курсов дельных не прошла.
Скучает в кабачке баристой,
И выскочить за хоккеиста

Чтоб быть богатой, как дум-дум –
Предел ее высоких дум.
Я ясно вижу, мой читатель,
Как ты качаешь головой,
«Не может быть!» – вот возглас твой,
Ведь ангел Божий – не предатель,
И в роще, где лишь кедр растет,
Сорняк бездомный не взойдет.

Ну что ж, я тоже удивлялся,
И был с годами огорчен,
Ведь и Олег мне признавался,
Что сыном недоволен он.
Пытался он постичь напрасно
Шальной генетики гримасы –
Ведь дети точно от него,
Но, черт возьми, они в кого?
Отцов и дедов вспоминали –
Тот был, кажись, такой-сякой,
И всех, душа заупокой,
Подробно, с чувством разбирали,
И, затворив за прошлым дверь,
Глядели в странное теперь.

Но полноте, беда ли это?
Как ни крути, но сын родной,

Какой бы ни был он отпетый,
Нам люб уж нашестью одной.
Ведь мы детей не покупаем,
Таланты в них не выбираем,
Но Божий дар к себе берем,
И с честью этот крест несем.
А коль подростком недовольны,
Чем Бога нам к ответу звать,
Не лучше ль на себя пенять?
Ведь воспитать мы были вольны,
Но прозевали, не смогли,
Иль поленились, не снесли.

Олег с Натальею, конечно,
Детей любили, берегли,
Но занимались с ними спешно,
После работы, как могли.
Быть может, что-то упустили,
И вовремя не научили,
Но, черт возьми, а кто из нас
Детей в те годы рьяно пас?
В общем, наследственность ли это,
И что когда пошло не так,
Нельзя вполне сказать никак.
К тому ж, сошла с ума планета,
И скор наш виртуальный век

Плодить психических калек.

Глава третья. История болезни

Ах, как плодами просвещенья
В твои далекие года
Вы восхищались без сомненья,
Без дальновидного суда.
И множество открытий чудных
В ремеслах наших многотрудных,
Казалось, жизнь улучшат враз,
И лишь добро несут для нас.
Что ж, так вначале все и было,
И кто тогда предвидеть мог,
Что даже здесь сыграет Бог
На пару с Дьяволом двукрылым,
И, радостно идя вперед,
Мы вдруг упремся в эшафот.

Но вспомни, друг, как вы читали
В лицейской вашей тесноте
Труды Руссо, и обсуждали
Его призывы к простоте.
А он предупреждал потомков,
Что им не избежать обломков,
Тех, что луддитов дело рук,

Ведь ты о них слышал, мой друг.
Выходит, книги и события
Могли вам ясно предсказать,
Чего от будущего ждать,
Послать вам мудрости наитье,
Ведь видеть мудрецы должны
Медали обе стороны.

Лишь десять лет твоей гробнице
Отмерил быстрый календарь,
Когда на улицах столицы
Зажегся газовый фонарь.
Но в будущем уже столетьи
Солдаты, старики и дети
В кошмарах газовой войны
Мильонами умерщвлены.
А ваша камера-обскура,
Что фотографию дала,
Нас так в экраны загнала,
Что уж забыта книга-дура,
Ведь развлечение для людей
Гораздо чтения милей.

Ан нет, у вас лишь восхищенье —
Ах, телеграф, ах, гальванизм,
Ах, Фарадеево ученье,

И животворный магнетизм.
Дорог железных сладкий призрак
Уже совсем живуч и близок,
А там и Монгольфьеров шар
Помчит нас в небе, как Икар.
Положим, да, все это – благо,
И электричество – наш свет,
И голода уж больше нет –
Спасибо тракторам-трудягам.
Чума с холерой умерла –
Антибиотикам хвала!

Но вот уж двести лет заводы
Прогресс технический куют
А коммерсанты за доходы
Его нам страстно продают,
И инженерная смекалка
Под бизнесмена твердой палкой,
Старается, что мочи есть,
Нам всяко разнo изобресть.
Нас постепенно приучили
Сверх всякой меры потреблять,
Все упрощать и облегчать,
Дух просвещения извратили:
Теперь прекрасный этот дух –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.